

РОССИЯ: КУЛЬТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

Автор: Л. А. СЕДОВ

Сегодня, на шестнадцатом году реформирования посттоталитарной России, с сожалением приходится признать, что либеральный проект в очередной раз в истории страны терпит неудачу, наталкиваясь на цивилизационные барьеры как в сфере экономики, так и в области государственного строительства и выстраивания межгосударственных отношений. Либеральным начинаниям во внешней политике мешают комплексы имперскости, великодержавности, имеющие гораздо более глубокие культурно-генетические корни, нежели настроения, продиктованные сиюминутной политической ситуацией и пропагандой в СМИ, или обстоятельства, объясняемые чисто временным отставанием на универсальном для всего человечества пути модернизации.

Недооценка некоторыми либералами фактора культурной наследственности и цивилизационного своеобразия России, особенностей национального менталитета, будучи разновидностью ложной политкорректности и пережитком марксистской однолинейности¹, чревата многими разочарованиями при попытках воплощения либеральных идей в жизнь. В чем-то сегодняшняя борьба сторонников теории "запаздывающей модернизации" с защитниками "цивилизационных" концепций напоминает мне печальной памяти

¹ Большинство отечественных политологов воспитаны в марксистской школе мысли, приписывавшей всему человечеству универсальный, формационный путь развития. Правда, у самих основоположников марксизма были какие-то колебания на этот счет, и время от времени в их сочинениях упоминался "азиатский способ производства". Показательно, что в 1990-е гг. специфика "азиатского способа производства" как особая система "власти-собственности" стала активно разрабатываться и историками, и экономистами. Но уже в 1960 - 1970-х гг. вокруг этого понятия в кругах востоковедов развернулась дискуссия. Предлагалось считать это еще одной формацией. Будучи участником этой дискуссии, я выступил тогда с радикальным предложением понимать азиатский способ производства как особый, отличный от европейского путь развития со своими собственными формациями внутри. История человечества представлялась в этой модели как некое подобие биологической эволюции с ее бифуркацией на две большие ветви - позвоночных и беспозвоночных, а в истории человечества на европейский (западный) и азиатский пути. В дальнейшем становилось все яснее, что марксизм со всеми своими формациями не дает адекватного объяснения различий между обществами и цивилизациями, что не экономические условия, отношения собственности и т.п. определяют эти различия, а что сами экономические структуры зависят и возникают из различных ценностных систем и даже неких более глубоких архетипических и зачастую подсознательных соотношений с реальностью, которые я называю "мироощущением" или "мирочувствованием". Именно тогда родилась идея, что различия между великими человеческими множествами, такими как Индия, Китай, западный мир и, с меньшей очевидностью, Россия могут быть объяснены, пусть схематично и спекулятивно, с помощью этого понятия "мироощущения" (об этой типологии великих мировых цивилизаций см. ниже).

С е д о в Леонид Александрович - кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр).

борьбу лысенковцев с генетиками в биологии. Рассмотрим для начала те цивилизационные препятствия, которые мешают реализации либеральных установок в отношениях с бывшими советскими республиками.

Россия и славянские братья

Либеральный проект межгосударственных отношений на постсоветском пространстве исходит из безоговорочного признания Россией независимости всех стран "ближнего зарубежья" и недопущения вмешательства в их внутренние дела. Так, решительным образом либералы и в России, и на Западе осудили вмешательство России в ход президентских выборов на Украине. Прямо противоположных взглядов придерживаются разного рода сторонники имперских и геополитических подходов. При сопоставлении этих двух позиций обнаруживаются как свойственная либералам недооценка влияния на формирование политики массовых настроений, стремление свести все к некомпетентности управленцев, так и большая чувствительность "державников" к "интересам и устремлениям" великорусской культурно-исторической общности.

В плане обнаружения генетических черт и исторической преемственности особенно показательны данные опросов, касающиеся отношений России к своим "славянским братьям" - Украине и Белоруссии. Даже в начале 2007 г. для 57% населения России Украина не является за границей, то же самое для 61% - Белоруссия (хотя по сравнению с более ранними опросами 2000-х гг. этот показатель все же стал чуть-чуть меньше). Похоже, до населения России и до ее политической элиты с трудом доходит, что украинская и белорусская государственность - необратимая реальность. Этот мучительный процесс осознания вызывает характерные комплексы - отторжение, инфантильную обиду.

В свете таких взглядов массовое вмешательство России в предвыборную борьбу на Украине в глазах россиян не имело ничего общего с империализмом. К тому же сюда необходимо отнести "генетическое чувство" русских, привыкших жить с Украиной в одном государстве. Более того, две трети российских жителей убеждены, что русские, украинцы и белорусы - три ветви одного народа и только 20% полагают, что это разные народы. И конечно, считающих так больше среди не признающих в Украине, и Белоруссии за границу (84%), чем в числе тех, кто за границу в них признают (66%). Поэтому в данном контексте в Москве многократно критиковалась не само российское вмешательство в ход выборов на Украине, а его безуспешность и контрпродуктивность.

По мнению большинства представителей элиты и населения России, как и во времена Советского Союза, равенство и схожесть режимов на постсоветском пространстве является для российского руководства, как и прежде, надежным гарантом их лояльности к Москве. Прорыв же в сторону демократии европейского типа, напротив, таит опасность для особого пути и особой роли России. Этот прорыв будто бы перечеркивает естественную "миссию" России на постсоветском пространстве. Победа В. Ющенко рассматривалась как "самое крупное поражение российской внешней политики за последние годы".

Политический класс в России менее, чем на Западе, зависим от электоральных механизмов и испытывает меньшее давление со стороны общественного мнения, но все же и он не может игнорировать массовые взгляды, старается к ним приспособливаться и с ними заигрывать. Более того, сами представители политической элиты суть плоть от плоти своего народа и потому являются во многом носителями того же менталитета, тех же наклонностей и предрассудков.

Реакция В. Путина на демократический прорыв на Украине показывает, что и он разделяет образ мыслей, глубоко укоренившийся в умах россиян. В России недавнее массовое вмешательство Москвы в предвыборную борьбу на Украине рассматривалось не как внешнеполитический акт, а в большей степени как внутривнутриполитическое дело (раз Украина не за граница). Реакция же на это со стороны Запада воспринималась как попытка принизить доминирующую роль России в СНГ и особенно на Украине, где через смену режима появилась система европейских понятий и демократических принципов, во многом российскому менталитету чуждых.

Целый ряд тенденций последнего времени показывает, что новая Россия создает идеологию для будущего, исходя из прошлого; действительное новое начало не состоялось. Россия не склонна преодолевать свою отсталость по отношению к Европе за счет дальнейших демократических реформ, как это сейчас происходит в ходе демократических преобразований на Украине. Скорее наоборот, Россия хочет, исходя из собственных традиций царского и советского времен, мобилизовать силы и найти мотивацию для обеспечения стабилизации страны и возвращения себе роли самостоятельной Великой державы.

В глубокое прошлое уходят своими корнями притязания России на особую роль имперского плана на постсоветском пространстве, равно как и растущие авторитарные тенденции "системы Путина". Они несут в себе опасность самоизоляции России по отношению и к "ближнему", и к "дальнему" зарубежью. Претензии на особую роль на постсоветском пространстве, подкрепленные исторически, рассчитаны на создание консенсуса внутри страны, коль скоро они отвечают народным чаяниям. Поначалу это производит стабилизирующий эффект, хотя в окружающем мире - скорее, дестабилизирующий.

Однако в перспективе такой путь чреват тем, что наша страна не только станет "для Запада неинтегрируемой", но и сама окажется не способной осуществить заново интеграцию на постсоветском пространстве. Декабрь 2006 г. в этом смысле стал переломным в частичном преодолении иллюзий относительно возможной реализации проекта объединения с самым до этого вероятным кандидатом на интеграцию - Белоруссией. Данные опросов дают возможность детально разобрать вопрос о том, как общественное мнение в России отнеслось к "нефтегазовому конфликту" и как этот конфликт повлиял на настроения в стране. Так, если в 2006 г. за сближение с Белоруссией были 81%, то в январе 2007 г. уже 68%; против такого сближения в январе 2007 г. высказались 17%, а в 2006 г. таковых было 10%. Правда, сближение и даже объединение с Белоруссией все еще остается светлой мечтой преобладающего большинства опрошенных, но число противников сближения резко увеличилось.

Данные опросов показывают также, что за стремлением к сближению чаще всего стоят экономические соображения, но и мотивы великодержавности занимают немалое место. Так, среди ответивших на вопрос "что хорошего в сближении России с Белоруссией?" 34% отметили восстановление экономических связей, облегчение коммуникаций с европейскими странами, стимул к возрождению экономики; по 27% - восстановление родственных, гуманитарных связей и возрождение единой страны, бывшего единства; 22% - возрождение сильной державы, укрепление позиций на международной арене; 20% - укрепление обороноспособности, военной мощи; для 4% важен был фактор А. Лукашенко как возможного политического лидера России. В то же время 18% пугают политические амбиции Лукашенко и возможность того, что он станет президентом России; 17% беспокоят возможность появления экономических проблем и ухудшения экономического положения России в связи с объединением с Белоруссией; по 6% волнуют возможность ухудшения отношений с Западом и ухудшения репутации России на Западе, а также переноса в Россию явления дефицита, очередей и других атрибутов застойных времен; наконец, 5% отмечают опасность импорта из Белоруссии в Россию нарушений демократических свобод и прав личности.

Кстати, широко распространяемый левыми миф о высоком качестве жизни в Белоруссии большинством россиян не разделяется. На прямой вопрос о том, "где сейчас лучше живется: в России или Белоруссии?" 54% отвечают, что в России, и лишь 18%, что в Белоруссии. Между тем идея объединения двух стран пользуется, по сути, такой же поддержкой большинства россиян, как и просто их сближение (64% - за, 17% - против).

В целом большинство россиян (52%) поддержали меры по повышению цен на газ для Белоруссии, не одобрили эти меры 28%. Напротив, решение правительства Белоруссии ввести в ответ транзитные пошлины на российскую нефть большинство (42%) не сочли адекватной ответной реакцией со стороны "славянского брата". Наиболее решительно не согласились с этой реакцией соседи представители верхушки среднего класса и те, кто затрудняются в ответе на вопрос, считать или нет Белоруссию границей. В итоге

именно на Белоруссию россияне возложили большую ответственность за конфликт. Думаю, что здесь сказывается такое культурно-генетическое свойство русских людей, как поддержка своего начальства в ситуациях противостояния "чужим". Как отмечал еще в XIX в. маркиз А. де Кюстин, не человека обожают в императоре Николае I, честолюбивого повелителя нации, еще более честолюбивой, чем он. Опрос свидетельствует и о том, что одним из результатов нефтегазового конфликта стало существенное ухудшение имиджа Лукашенко в глазах россиян. В частности, если в феврале 2006 г. 48% считали, что его дальнейшее пребывание на посту президента Белоруссии соответствует интересам России, то в январе 2007 г. эта цифра уменьшилась до 34%.

Показательны для анализа нашей темы и ответы на вопрос "Каким образом следует действовать российским властям в случае подобных действий со стороны Белоруссии (несогласованного введения пошлин, отбора нефти и газа из трубопроводов и т.п.?)". Лишь 16% считают нужным обратиться к международному арбитражу; 23% полагают целесообразным применить дипломатические санкции, а 38% - экономические. Для 2% допустимо даже применение военной силы. Такие ответы, на мой взгляд, мотивированы прежде всего глубоко укоренившимся в сознании россиян имперским комплексом, вызваны обидой на "неправильно ведущего себя младшего брата". В результате заметно ухудшилось отношение и к самой Белоруссии. Соотношение положительных и отрицательных ответов на соответствующий вопрос составило 73% к 19%, что знаменует собой падение не только по сравнению с пиковым показателем июня 2003 г. (90%), но и сравнение с наилучшим результатом 2006 г. (84% к 9%).

Сильно потускнел и образ Белоруссии как страны-союзника, каковая до последнего времени подчеркивалась 45% россиян. В январском опросе 2007 г. были получены следующие ответы на вопрос: "Кем является сейчас Белоруссия для России?": союзником ее считают 31%, страной-нахлебником - 25%, недружественной России страной - 7%, а обычной близлежащей страной - 30%. Кроме того, если в августе 2006 г. добрососедскими отношения с Белоруссией называли 28%, дружественными - 15%, а прохладными, напряженными, враждебными в сумме - 16%, то в январе 2007 г. число считающих эти отношения добрососедскими упало до 16%, дружественными - до 8%, а число считающих эти отношения прохладными, напряженными и враждебными возросло до 41%.

Место России в типологическом ряду культур

Как уже было сказано, трудности, переживаемые Россией в отношениях со странами как ближнего, так и дальнего зарубежья, связаны с тем, что речь идет об отношениях между народами, принадлежащими различным культурным типам со своими особыми ментальностями, психологическими складами, цивилизационными спецификами, какой бы из этих терминов ни был предпочтен в рамках принятой теоретической парадигмы. Опасно, если такие различия отвергаются или игнорируются из соображений политкорректности, запрещающей замечать, что народы земли не схожи в своих основных качествах, что так называемый "человеческий материал" различен в разных культурах, или цивилизационных типах. Между тем именно осознание существования таких различий позволило мне в конце 1970-х гг. (задолго до С. Хантингтона) написать и несколько позже опубликовать следующие соображения, сохраняющие свою актуальность и для современной картины мира: "Современный мир, если попытаться взглянуть на него невовлеченно, со стороны, все более напоминает сумасшедший дом, где каждый псих исполняет свою сольную партию, и нет надежды, что их голоса и взгляды когда-нибудь сольются в стройную симфонию, и наступит мир во всеобщее согласие. Но если возможность народов договориться друг с другом, выработать общую систему взглядов и представляется нам утопичной и несбыточной, то тем яснее для нас необходимость как можно четче осознать, что разногласия между людьми и народами, а точнее говоря, между культурами, чаще всего вызваны не намеренной ложью одной стороны и правдолюбием другой [хотя бывает и так] (в квадратных скобках - более поздняя вставка. - Л. С.), а разным видением мира, присущим представителям этих культур, раз-

личным устройством их "умозрительного аппарата". В этих условиях становится чуть ли не решающей роль культурологии с ее способностью понимать относительность различных "картин мира", объяснять, почему то, что видится белым представителям одной культуры, кажется черным представителям другой². Разумеется, эта относительность не отменяет проблемы выяснения того, какая из "картин мира" более приближена к реальности, то есть установления объективным образом реальной "длины волн", скрывающейся за черным или белым имиджем, но эта задача лежит уже за пределами культурологии как таковой.

Сегодня мир как будто нарочно "упростился" в некую глобальную модель противоборствующих культурных типов. В критическую фазу вступил двухтысячелетний спор европейского Запада со сначала византийским, а затем русским [а теперь исламским] Востоком. Резким образом обозначилась объемлющая четверть населения мира громада по виду "социалистического", по сути же традиционного Китая. Этим трем мирам противостоит религиозно-кастовый мир Индии, внешне пассивный, но оказывающий свое специфическое влияние на происходящее на земле с позиций своего особого видения жизни. Конечно, было бы неразумно подменять такой глобальной абстракцией всю пестроту реального мира, Наверное, внутри "русско-византийского мира" надо отвести особое место арабам, а внутри "китайского" - японцам. В иудео-европейском мире евреи не совсем европейцы..." [Ржевский, 1987, с. 3 - 4].

Извинившись за столь обширное самоцитирование, хочу оправдать его тем, что проблема конфронтации между великими цивилизациями, ставшая почти очевидной в наши дни, могла быть осознана как таковая четверть века назад. Так же как уже интуитивно можно было почувствовать, что наступит время, когда исламский мир придет на смену России в качестве главного вызова Западу. Это означает, что глобальная модель четырех великих культурных типов остается неизменной, и только Россия с ее убывающим населением в 140 млн. и 0,7% мирового ВВП перестает быть главным представителем своего типа, уступая место исламу.

Можно заметить, что в этой системе взглядов русская культура предстает как феномен *sui generis*, а не нечто маргинальное по отношению к Европе как ее часть или некий гибрид Востока и Запада. Эта особенность русской культуры часто ускользает от поверхностного глаза, прячась за внешними сходствами между русскими и другими людьми белой расы, а также из-за того, что русское искусство и литература (правда, только XIX и XX вв.) стали достоянием и составной частью западной культуры (равно как было и обратное усвоение верхними слоями российского общества продуктов высокого духовного производства Запада). Специфичность русской культуры была бы более явственной, если бы, выражаясь словами персонажа одного из романов С. Залыгина, Бог, создавая расы, не пожалел бы для русских отдельной, скажем, зелененькой или голубенькой, краски, чтобы выделить их как отдельную человеческую ветвь, наподобие негров или китайцев.

Сами русские хорошо чувствуют свое особое место, отличающее их от остальной белой расы. Например, в одном из недавних опросов Левада-Центра на вопрос, насколько России подходит социальное устройство западного типа, 37% ответили, что оно полностью противоречит русским обычаям, еще 30% заявили, что подходит лишь частично и вряд ли приживется на русской почве. Лишь 15% думают, что западные модели могут быть как-либо приспособлены к российским условиям, и только 4% полагают, что западная модель универсальна и ей должна следовать наша страна.

² Один из недавних примеров этого черно-белого взаимонепонимания - различие в оценках первого этапа выборов на Украине европейцами (как нарушающих должные стандарты) и русскими (как нормальных), поскольку последние убеждены, что обман на выборах и вообще в жизни - естественная неотъемлемая часть бытия. В обоснование этой убежденности вам скажут, что выборы в США тоже далеки от совершенства. Разницу между огрехами американского электорального процесса и тотальной фальсификацией выборов у себя дома люди улавливают подобно тому, как дети в анекдоте, увидев в скважину интимную сцену в родительской спальне, говорят: "И эти люди запрещают нам ковырять в носу". Разница между двумя актами им не видна.

Со своей стороны, иностранные наблюдатели российской жизни оставили массу отчетов и описаний, свидетельствующих о том, в какое ошеломление часто приводят их столкновения с реальностями российского бытия. Однако большая часть этих свидетельств носит, так сказать, импрессионистический характер, в то время как, вопреки знаменитой строке Ф. Тютчева, особенности России, как и других великих цивилизаций, пора понять умом и измерить общим аршином.

Попытка найти такой общий аршин была предпринята мной в специальной работе, опубликованной сначала в 1976 г. в Англии, а на русском языке в 1989 г. [Rzhevsky, 1976; Седов, 1989]. В основу типологии была положена идея о том, что такая основополагающая проблема, как жизнь и смерть, земное существование и возможность продолжения жизни по ту сторону гроба, находит различное решение в разных частях человечества и в различных религиях. Причем сам их выбор зависит от некоего изначального мироощущенного инстинкта того или иного народа. (Вспомним, как выбрал православие князь Владимир, исходя из гедонистического "веселье Руси есть питание".)

Опуская здесь подробности и адресуя читателя к упомянутым работам, упомяну только, что типологическая принадлежность культуры описывается посредством четырех комбинаторно полученных формул, имеющих вид дробей, в числителе которых плюсом или минусом обозначается положительное (оптимистическое) или пессимистическое (проблематичное, пугающее, трагичное) отношение к потустороннему, а в знаменателе - оптимистическое (положительное, предпочтительное) отношение к земному, здешнему, материальному, чувственному. Формула $+/+$ приложима к китайской культуре, в которой проблема ухода из жизни решается спокойным оптимистическим образом, характерным для культур, основанных на культе предков (именно поэтому у китайцев нет религии в полном смысле этого слова). Индийская культура может быть выражена формулой $+ (нирвана)/-$ (жизнь-страдание). Еврейская культура характеризуется формулой "глобального пессимизма", неверия в жизнь после смерти и пессимистического, скептического или трагического восприятия настоящего $(-/-)$. К этому типу принадлежит и западноевропейская культура, хотя глобальный пессимизм здесь смягчен за счет идеи воскресения, отвергаемой иудаизмом. Как бы то ни было, западную культуру отличает от других культур, и особенно от русской, сравнительно трагическое мироощущение.

Остающаяся комбинаторно типологическая возможность - дробь $-/+$ довольно точно совпадает с реальностью русской культуры, русского мироощущения, которое унаследовало оптимистически-здешний веселый дух язычников-славян и греко-византийцев, в свою очередь наследовавших гедонистическое отношение к жизни вавилонского Переднего Востока, и метко схватывается русской поговоркой "живи, пока живется". Это сознание безрелигиозно в смысле отсутствия перспективы вечности и воскресения. Поскольку земная жизнь воспринимается как величайшее из благ, а потусторонняя либо вовсе отрицается, либо предстает как нечто пугающее, либо принимает вид некоей не зависящей от людей произвольной силы, распорядителя судеб и подателя благ в эту жизнь, либо, как в исламе, рисуется в виде более или менее точной проекции земных благ на небо.

Россия и ислам

Согласно предложенной типологии, русская и исламская культуры являются подвидами одного византийско-восточного оптимистически земного типа, в котором земное "здесь и сейчас" предпочтительно проблематичному и устрашающему потустороннему. К русской ментальности с небольшими коррекциями приложимы характеристики исламской психики и образа мысли.

В. Соловьев писал об исламе: "Ислам - это последовательное и искреннее византийство, освобожденное от всех внутренних противоречий. Он представляет собой открытую и полную реакцию восточного духа против христианства, систему, в которой догма тесно связана с законами жизни, в которой индивидуальное верование находится в совершенном согласии с политическим и общественным строем" [Соловьев, 1911, с. 49].

Мир представляется человеку ислама незаблемой твердыней, по отношению к которой нельзя ставить вопрос о каком-либо прогрессе, моральном совершенствовании и т.п. "Мусульманское общество не могло иметь иной цели, кроме расширения своих материальных сил и наслаждения земными благами. Распространять ислам силою оружия и править правоверными с неограниченной властью и согласно правилам элементарной справедливости, установленными в Коране, - вот к чему сводилась вся задача мусульманского государства" [Соловьев, 1911, с. 49].

Сегодня "реакция восточного духа" против западного христианства имеет вид широко распространенных и в России, и в исламском мире антизападных настроений. Существует вполне реальная (хотя, может быть, и не близкая) перспектива сближения на основе этих настроений России и мира ислама. О том, что такое развитие - не только моя фантазия, говорят данные опросов, свидетельствующие о существовании подобных опасений у значительной части населения России. Так, в сентябре 2005 г. Левада-Центр получил следующие ответы на вопрос о том какого влияния следует бояться России: "исламского" - 27%, "националистического, шовинистического" - 18%, "западного" - 17%, "китайского" - 9%, "израильского, сионистского" - 8%, "церковно-православного" - 2%. Такое же число людей (29%) в ответах на вопрос: "Что следует предпринимать России в ее отношениях с исламским миром?" ответили "сохранять дистанцию", а 54% выбрали вариант "установить взаимовыгодные связи".

И еще один результат опроса говорит в пользу тезиса об общей антизападной базе России и ислама. При ответе на вопрос "Какой политический курс России кажется вам предпочтительным - на сближение с США или на сближение со странами, стремящимися противостоять влиянию Соединенных Штатов?" 31% предпочли вторую часть альтернативы и лишь 13% - первую. Правда, из числа выбравших противостояние США многие имеют в виду не исламские, а европейские страны (около 20% жителей России говорят о своем положительном отношении к Европейскому союзу и одновременно выступают за оппозицию американскому влиянию).

Таким образом, угроза исламизации России маячит на горизонте. И шутка о том, что обмен пасхальными приветствиями "Христос воскрес!" - "Воистину воскрес", в конце концов, заменится восклицаниями "Аллах акбар!" - "Воистину акбар!" не кажется такой уж лишенной оснований.

Формальная основа выявления культурных особенностей

Основой для глубоких несходств и даже столкновений между цивилизациями являются не столько даже описанные выше метафизические противоположности, сколько производные от них черты, сформулированные в упомянутых статьях в виде трех теорем.

Теорема I. Пессимистическое отношение к "здешнему" (Запад, Индия) обуславливает интерес к "нездешнему", потустороннему, "неизвестному" "чужому" и, наоборот, у предпочитающих земную жизнь (Россия, Китай) отмечается отсутствие такого интереса.

Здесь можно продолжить наблюдения Соловьева. Языческо-исламское мироощущение, купающееся в земном и видящее в потустороннем лишь абстрактную силу, обращенную на землю, естественно преклоняется и на земле только перед проявлением внешней силы, перед грубым фактом, не спрашивая у него никакого внутреннего идеального оправдания. Отсюда то равнодушие к истине, то уважение ко всякой искусной и успешной лжи, которым всегда отличалась восточная половина человечества, за исключением евреев. На этом мироощущении основываются религиозные системы исламского типа, и Соловьев неоднократно показывал, что русское псевдохристианство сродни исламу, только место Бога в нем часто занимают государство или царь. Имея в виду эту особенность русской жизни, И. Бунин писал: "Самое что ни на есть любимое наше, самая погибельная наша черта - слово одно, а дело другое!" [Бунин, 1956, с. 28].

В атмосфере разрыва между словом и делом возникает ситуация, когда никто никому не верит. Все знают, что друг друга обманывают, и мало у кого это вызывает чувство возмущения, ибо правда по-русски (по-исламски) не имеет ничего общего с абстрактной

истиной. Это - правда сиюминутной пользы, прагматическая правда момента. В такой атмосфере человеку, если он не заражен инокультурными предрассудками, действительно вольно дышится, и модальный русский человек не поменяет эту свою свободу ни на какие свободы слова (которые для него не имеют ценности), ни на какие правовые гарантии (в которые он не верит). В социологических опросах мы регулярно отмечаем, что люди не замечают, как в последнее время сокращаются их возможности свободного выражения мнений и получения объективной информации. Так, несмотря на то, что государство вводит все больший контроль за деятельностью телевидения и прессы, 24% опрошенных в 2006 г. отвечали, что положение в СМИ улучшилось, и лишь 14% отметили ухудшение. Подобный менталитет делает едва ли возможными такие события, как "оранжевые революции", поскольку обман и фальсификация воспринимаются как естественные и неизбежные стороны жизни.

Учитывая эту особенность нашей национальной культуры, можно даже утверждать, что в каком-то отношении русское общество свободно и гуманно (снисходительно и попустительно) более, чем какое-либо иное общество в мире. Здесь процветает невиданная свобода от обязанностей: нигде нет столь широких возможностей отлынивать от работы ("начальство делает вид, что платит нам зарплату, а мы делаем вид, что работаем"), красть казенное, уклоняться от налогов, подменять дела словами, а слова не считать делом, как в России. Общество нетребовательно к человеку, человек нетребователен к себе (свобода от совести). С этим связана способность российских людей мириться с самыми тяжелыми и неблагоприятными сторонами жизни, приспосабливаться и удовлетворяться подчас весьма неблагоприятными условиями бытия. Положительное, на первый взгляд, свойство (пресловутое долготерпение) в силу погруженности в данное, здешнее имеет следствием отсутствие интереса и подозрительность к дальнему, неизвестному, чужому. Это служит еще одним культурно-генетическим препятствием на пути либеральных заимствований и инноваций.

В январском 2007 г. опросе Левада-Центра это свойство выявлено в целом блоке вопросов, выясняющих, какие доли людей удовлетворены или не удовлетворены жизнью в целом и отдельными сторонами своего существования. Соотношение положительных и отрицательных ответов на вопрос об удовлетворенности своей жизнью в целом составляет 68%/28%, то есть 2,43. Назовем это коэффициентом удовлетворенности и посмотрим, в каких сферах жизни наши люди чувствуют ту или иную степень удовлетворенности. Отрицательный баланс ответов и, соответственно, коэффициент, меньший единицы, имеет место только в двух случаях: в вопросе о материальном положении семьи - 0,55 (35%/64%) и в вопросе о состоянии окружающей среды - 0,85 (45%/53%). В остальном большинство людей заявляет о своей удовлетворенности - наибольшей в вопросе об отношениях в семье - 9,56 (86%/9%), далее в вопросе о круге общения (друзьях, соседях, знакомых) 8,0 (88%/11%); затем следуют отношения на работе 4,54 (59%/13%), положение, занимаемое человеком в обществе 2,28 (66%/29%), работа в целом 2,17 (50%/23%), проведение свободного времени 2,13 (66%/31%), полученное образование 2,06 (66%/32%), собственное и семьи питание 1,83 (64%/35%), состояние собственного здоровья 1,63 (62%/38%), жилищные условия 1,38 (58%/42%).

Полученные в этом блоке вопросов данные позволяют сделать ряд важных наблюдений. Так, при всей плачевности состояния здравоохранения, довольно большое число людей удовлетворены своим здоровьем: вполне удовлетворены 21%, скорее удовлетворены 41%, скорее не удовлетворены 28%, совершенно не удовлетворены 10%, затруднились 1%. Естественно, больше всего полностью удовлетворенных в возрастной группе 18 - 24 года. Та же группа лидирует в таких номинациях, как общение и свободное время. При этом здоровые молодые люди чаще симпатизируют М. Касьянову, а общительные - Г. Явлинскому. Представители социального низа из электората Д. Рогозина часто затрудняются оценить свою удовлетворенность проведением досуга. Полную удовлетворенность работой чаще высказывают высокостатусные граждане из электората Явлинского.

Удовлетворенность жилищными условиями занимает последнее место в ряду сфер с положительным балансом ответов, но даже и в этой болезненной области вполне удовлетворены 19%, скорее удовлетворены 38%, скорее не удовлетворены 27%, совершенно не удовлетворены 14%, затруднились 2%. Нетрудно догадаться, что вполне удовлетворенными оказываются наиболее обеспеченные люди, а в плане голосования - избиратели Справедливой России и разных маргинальных партий.

Теорема II. Пессимистическое отношение к смерти обуславливает "посюстороннюю активность". Эта теорема едва ли нуждается в подобном обосновании ввиду своей очевидности. Вряд ли можно ожидать большой заботы о мироустроении от людей, ожидающих безусловного перехода в иной, лучший мир и рассматривающих свое земное существование как более или менее случайный эпизод перед лицом вечности. Отсюда активность и экспансивность европейской и русской культур и пассивность культур индийской и китайской.

Перекрестное сочетание полученных черт уточняет способ ориентации культуры к чужому и неизвестному. Так, в случае европейской культуры активный интерес обнаруживается как "познавательная-научная" ориентация; пассивный интерес индийцев может быть охарактеризован как "созерцательная" ориентация; активное отсутствие интереса у русских обретает вид "враждебности", активной "ксенофобии"; китайской же культуре присущи пассивное отсутствие интереса или "высокомерие".

Рассматривая далее наши формулы, можно отметить, что культуры образуют также пары, в одной из которых обе формулы гомогенны, то есть содержат только минусы или только плюсы, а другая объединяет смешанные формулы. Эти последние формулы я называю, заимствуя метафору из физики, имеющими разность потенциалов. Таким образом, разность потенциалов присутствует в русской и индийской культурах и отсутствует в западной и китайской. Попытка придать этой формальной характеристике содержательный смысл приводит к убеждению, что она связана с тем, что Т. Парсонс называет "достижительной ориентацией" (вторая пара) и "аскриптивной ориентацией" (первая пара).

Отсюда **Теорема III:** культуры, в которых наличествует разность потенциалов, характеризуются аскриптивной ориентацией (на статус и другие характеристики по предписанным категориям); в тех культурах, где разность потенциалов отсутствует, господствует достижительная ориентация. Эта теорема представляет собой наибольшую трудность в плане рационального ее обоснования. Скорее, ее можно подкрепить эвристической метафорой и некоторыми эмпирическими иллюстрациями.

Метафорически можно представить себе культуру, где отсутствует "разность потенциалов" незаряженным полем, в котором нет однонаправленного движения частиц, то есть тока. Напротив, культура, характеризующаяся разностью потенциалов, выглядит как заряженное поле, в котором частицы движутся в определенном направлении. Если наделить частицы свойством ориентироваться друг на друга, то в первом случае каждая из частиц, не зная заранее вектора движения соседних частиц, будет оценивать их прежде всего с точки зрения того, куда они движутся, то есть действия, или достижения. Во втором случае, коль скоро направление движения задано, решающее значение для ориентации приобретает место частицы в строю, то есть относительное местоположение частиц в иерархии, кастовом порядке или иной классификационной системе.

Представление о разности потенциалов также наводит на мысль о возможности применения измерительных процедур, то есть рассмотрения наших формул не только как качественных оценок, но и как действительно формул, в которых плюс и минус могут иметь различное количественное значение. А соответственно этим значениям будут меняться и производные характеристики, о которых речь шла выше.

Рассмотрим, например, культуру иудео-европейского типа. Значение минуса в числителе дроби колеблется здесь в диапазоне от максимального в случае иудаизма до минимального в католическом варианте христианства (при этом минус остается минусом, то есть даже католическое мироощущение характеризуется как пессимистическое). Если полагать "знаменатель" постоянным (отрицательным), то увеличение отрицательного

значения числителя должно вести в этом случае к увеличению активности и к снижению разности потенциалов. Эмпирически это подтверждается сравнением протестантизма и католицизма. Более пессимистическая протестантская культура показала себя и более активной, достигательной и менее кастовой, чем католичество. Материализм в условиях европейской культуры означает дальнейшую проблематизацию, вплоть до полного отрицания, спасения по ту сторону жизни, что ведет к гиперактивности и гипердостигательности еврейского образца (со всеми асоциальными следствиями этой ситуации) или отчасти компенсируется повышением оптимизма в нижней части дроби (сциентистский оптимизм, прогрессизм).

В русской культуре снижение разности потенциалов происходит либо за счет роста религиозности, в смысле веры в загробную жизнь (как в случае старообрядцев, которые, как и представители многих из миллиаристских сект всегда представляли собой наиболее трезвую, работающую, промышленную и грамотную часть крестьянства и купечества, были представителями ума и гражданственности в русской простонародной среде [Андреев, 1870]), либо за счет пессимизации оценки настоящего, в каком-либо случае увеличение достигательности сопровождается ростом открытости к чужому и незнакомому.

Такая ситуация в течение недолгого времени имела место во время перестройки и при раннем Б. Ельцине. Гораздо более продолжительный период открытости Россия пережила после трагических переживаний и испытаний при Иване Грозном и в годы Смутного времени. Но, к несчастью, происходившие в результате культурные трансформации шли в политических условиях тоталитаризма Петра I, абсолютизма Екатерины II, жесткого авторитаризма Николая I.

Эпоха сталинизма и Вторая мировая война были для России временем трагического опыта, который мог бы повести ее к открытости и повзрослению психологического склада. И действительно, трагические события этой эпохи породили целую когорту по-взрослому зрелых личностей (поколение А. Солженицына и Б. Окуджавы). Однако это поколение подверглось жестоким репрессиям именно в отношении фронтовиков, а основную массу людей убергло от повзросления очарование великой победы, укрепившее в них подростковое чувство гордости принадлежностью к самой сильной, самой великой государственной общности в мире.

На рубеже средних веков и Нового времени Запад испытал такую же череду трагических событий (Крестовые походы, эпидемии чумы, Столетняя война, религиозные войны), но там результатом этих потрясений стало повзросление общества и личности, становление сознания с более пессимистической и трезвой оценкой земного существования, более реалистичного и проникнутого пониманием личной ответственности, чувством собственного достоинства и эмпатического уважения к достоинству других.

Россия же, пережив кризисы XVI-XVII вв., сохранила безмятежный дух и детский оптимизм ожидания Царства Божьего на земле и, просто сменив идеологию, устремилась к поиску нового ключа к коллективному спасению. Идеология православия сменилась верой в науку и технику. Российская коммунистическая версия материализма с ее крайним атеизмом и верой в будущее торжество коммунистического блаженства во всем мире до предела максимизирует черты, соответствующие экстремальным значениям обоих компонентов приведенных формул, - активность, ксенофобию и аскриптивность. Последняя приобрела своеобразную форму, замаскированную внешней мобильностью. Под прикрытием этой мобильности в советском обществе господствовала ориентация на принадлежность официальной общности. Партийность, звания, дипломы, анкеты играли гораздо более важную роль при определении положения людей в обществе, чем реальные достижения и действия.

Все психологические характеристики, сопутствующие описанному выше византийско-русскому типу отношения к жизни и смерти, сходны с теми, что отмечаются, когда речь идет о психологических свойствах, присущих инфантильной и подростковой стадиям жизни. И понимание того, что русская культура может быть объяснена в терминах подростковости - культуры, в условиях которой люди в массе своей не вызревают до взрослого состояния, как это имеет место на Западе, - стало настоящим открытием,

позволяющим осознать многие особенности русской истории, политического устройства России и ее международных отношений. Литература, философские сочинения и записки путешественников содержат многочисленные заявления и наблюдения по поводу отдельных подростковых черт в русских людях и в их образе жизни.

Здесь можно привести лишь один, но блестящий пример такого психологического подхода из книги американского историка Дж. Биллингтона "Икона и топор". Говоря о России XVII в., он пишет: "Поставленная соприкосновением России с Западом общая психологическая проблема была во многих отношениях более важной, чем любые частные политические или экономические вопросы. *Она была сродни психологической травме подросткового возраста* (курсив мой. - Л. С.). Московия оказалась в положении своего рода зеленого юнца, слишком большого, чтобы оставаться в детском окружении, и в то же время не могущего приспособиться к сложностям внешнего мира. Движимая самим своим ростом, Московия внезапно оказалась вытолкнутой в мир, который у нее не было средств постичь. Московская реакция раздражения и самоутверждения была во многом реакцией типичного подростка; западное отношение снисходительного презрения было отношением не питающего чувства симпатии взрослого. Неспособная обрести понимание как от других, так и своими собственными средствами, Московия еще целое столетие пребывала в состоянии своей упрямой подростковости. Конфликты, сотрясавшие Россию на протяжении всего XVII в., были частью неуклюжего судорожного поиска идентичности в по сути своей западном мире. Российским ответом на неизбежный вызов со стороны Западной Европы была раздвоенность, почти шизофренического свойства, и эта расколотость в какой-то мере продлилась до современности" [Billington, 1966, p. 78]. Последние слова этого блестящего аналитического отрывка говорят о том, что и к нынешней России применимы представления о ее культурной подростковости. Можно лишь подивиться устойчивости русской культурной наследственности.

Большая часть наблюдений относительно указанных подростковых черт носила интуитивный и импрессионистский характер, и оставалась необходимость соединить их в некое взаимосвязанное последовательное теоретическое целое. Попытка сделать это была предпринята мной в [Ржевский, 1987]. Эта теоретическая модель показала достаточно высокую эвристическую ценность. Здесь нет возможности входить во все детали и подробности этой теоретической конструкции. Коснусь лишь одного подросткового свойства, определяющего характер отношений современной России и Запада. Это - заносчивое чувство принадлежности к самой лучшей, самой сильной, единственной в своем роде группе (будь то "мой район", "мой двор", "моя школа" или любой другой коллектив, членом которого является подросток). Этому чувству сопутствуют вера в коллективное действие, жесткие требования конформности групповым нормам, почитания групповых символов и подчинения групповым лидерам. Россия на протяжении многих веков воспроизводила эту ситуацию громадной подростковой группы.

Советский Союз обеспечивал своим гражданам гордое чувство принадлежности к великому целому, внушающему другим уважение и страх. Распад же Союза породил у многих настроения растерянности и отчаяния. В недавних опросах Левада-Центра 60% опрошенных отвечали, что испытывают сожаление по поводу исчезновения Союза и лишь 32% (чаще молодые люди) жалости не чувствуют. 33% в ответ на вопрос о причинах такой ностальгии отмечают именно потерю вышеупомянутого чувства принадлежности к великой державе. (Отвечающие так не обязательно сами испытывают ностальгию, но они понимают ее природу у других.)

Тоска по советскому прошлому - составляющая антизападного синдрома. Так, ответ о сожалении по поводу распада Союза дают 83% тех, кто также отвечает, что очень плохо относятся к Европейскому союзу, и только 40% в числе тех, кому ЕС очень нравится. Эта корреляция тем более понятна, что 18% россиян причиной распада СССР считают заговор зарубежных сил.

Данные опросов содержат множество свидетельств отторжения россиянами западных способов организации жизни и западных ценностей. В марте 2006 г. Левада-Центром были получены следующие ответы на вопрос об особенностях демократического

развития в различных странах: только 10% ответили, что все страны движутся к демократии одним путем, а 78% сказали, что каждая страна идет своей дорогой (суверенная демократия).

В марте 2001 г. (после года пребывания во власти Путина) проблема была исследована более подробно. Был задан вопрос: "Какого типа государство хотели бы вы видеть в России?" Наибольшее число ответов (34%) получила позиция "такое, как на Западе" (с рынком, частной собственностью, демократическими институтами и т.п.); 28% предпочли социалистическое государство с коммунистической идеологией; 27% - государство со своим собственным особым устройством. Одновременно спрашивалось: "Каким историческим путем должна следовать Россия?". Выяснилось, что только половина тех, кто хотели бы видеть Россию западным государством, отвечали, что она должна следовать путем западной цивилизации, общим для всех современных государств, а другая половина отвечала, что к желанной цели ей нужно идти собственным особым путем. Так что у 15% жителей России совпала установка на государство западного типа и западный путь к этой цели, а 16% полагают, что к этой цели надо идти своим путем. В общем итоге на позициях особого пути (что бы это ни означало) стоят 53%, и 23% в их числе полагают, что этот путь приведет и к государству с особым устройством. Сравнивая полученные цифры с последними данными, можно видеть, что число сторонников особого пути за время путинского правления существенно выросло - с 53% до 70%.

Демократические ценности занимают центральное место в ценностной системе западной цивилизации, среди российских же ценностей они маргинальны. Однако это - важное, но не единственное и, возможно, не самое важное расхождение, порождающее недопонимание и просчеты в отношениях между Россией и Западом. О том, что для россиян демократия не является необходимым атрибутом хорошего государственного устройства, красноречиво свидетельствуют и результаты совместного российско-американского исследования, проведенного в апреле 2006 г. (1000 респондентов в России и 1023 в США). В его ходе задавался вопрос: "Каково ваше мнение о системе государственного управления Китая, США и России?" О китайской системе управления благоприятное мнение высказали 54% россиян и 14% американцев (неблагоприятное - соответственно 14% и 80%). Относительно американской системы управления благоприятное мнение зафиксировано у 54% россиян и 83% американской (неблагоприятное - соответственно, 27% и 14%). Для российской системы управления результаты таковы: 47% россиян и 26% американцев считают ее благоприятной, а 42% россиян и 68% американцев - неблагоприятной.

Как видно из ответов, россияне ставят государственную систему Китая выше американской, отдавая китайской системе предпочтение, несмотря на то, что явствует из ответов на другой вопрос, американская система представляется им наиболее демократичной³. Совершенно очевидно, что для российского народа, в отличие от американцев, благоприятная оценка государственного устройства не связывается с его демократичностью.

Следует признать, что довольно очевидные противоречия в российско-западных отношениях, если смотреть на них сквозь призму общественного мнения, пока не приобрели критических размеров. Вопросы об отношении - положительном или отрицательном - к Западу, вернее, к двум "Западам" (американскому и европейскому) дают, как правило, положительный баланс ответов. В стране насчитываются 46% людей, отвечающих, что они хорошо относятся и к США, и к Европейскому союзу, и только 11% проявляют последовательное антизападничество, отвечая, что плохо относятся к обоим.

³ Ответы на вопрос "Насколько является демократичной, по-вашему, государственная система в США, России, Китае? (дайте оценку по десятибалльной шкале, где 0 означает, что система совершенно не демократична, а 10 - полностью демократична)" распределились следующим образом. Средний показатель демократичности (по десятибалльной шкале оценок) американской системы в ответах россиян - 6,7 (в ответах американцев 6,2); показатель российской системы в ответах россиян - 4,6 (у американцев -3,6); китайская система набрала у россиян 4,3 (у американцев 1,9).

При этом баланс положительного/отрицательного отношения к Америке заметно хуже, чем баланс Европейского союза. У США он регулярно близок к соотношению 50% к 35%, падая до негативных соотношений в такие моменты, как начало войны в Ираке (27% к 66%); в то время только 9% отвечали, что США играет роль защитника мира, демократии и порядка, а 75% назвали США агрессором, стремящимся установить контроль над всеми странами в мире. Так же он снизился до 45% к 43%, когда с критикой в адрес России выступил вице-президент США Р. Чейни, что свидетельствует об особой чувствительности русских к обвинениям в свой адрес и кажущимся оскорблениям. В этом смысле они похожи на мусульман, например, с их реакцией на карикатуры с изображением пророка Мухаммеда.

На основании данных социологических опросов можно заключить, что русские испытывают что-то вроде воображаемого дефицита уважения со стороны Запада. Будучи спрошены о том, с какими чувствами русские относятся к западным странам, и как, наоборот, те относятся к русским, 40% опрошенных отвечают, что русские уважают западные страны, и только 13% говорят, что западные люди уважают Россию; 14% считают, что они презирают нашу страну, и 18% - что они относятся к ней с недоверием и страхом.

Нужно заметить, что отношение россиян к европейским странам много лучше, чем к Америке. В январе 2004 г. мы задавали вопрос, на какие страны должна ориентироваться в своей внешней политике Россия. Германию, Францию, Великобританию и другие западноевропейские страны назвали 54%; 49% указали Украину, Белоруссию, Казахстан и другие страны СНГ; 30% упомянули США; 23% предпочли Японию, 21% - Индию, Китай, 7% - Ирак, Ливию, Кубу, Северную Корею.

Положительные ответы на вопрос об отношении Европейскому союзу редко бывают ниже 70%, негативные не превышают 29%. Однако примечательно, что 20% из этих 70% - те, кто любят Европу за ее противостояние США. Среди тех, кто не любят Европейский союз, много почитателей С. Милошевича: европейцам не могут простить суд в Гааге. В группе же, положительно оценивающих Европу как оппонента Америки, Милошевича не вспоминают: перевешивает любовь к Европе за ее антиамериканизм. Однако о своем очень хорошем отношении к Европейскому союзу говорят только 5%, и в этой группе половина респондентов высказываются и за сближение с США.

В упомянутом российско-американском исследовании было обнаружено, что наибольшее расхождение в ответах россиян и американцев имело место в вопросе о том, какое влияние в мире имеют сравниваемые страны - США, Россия и Китай. Россияне оценили влияние Китая как значительно более положительное, чем влияние США. Соотношение положительных/отрицательных ответов было у них в отношении Китая 57% к 20% в отношении США 25% к 61% и 86% к 6% для самой России (американские ответы - 44% к 49% у Китая; 40% к 53% у России и 64% к 32% для США).

Наглядное в ответах на этот вопрос национальное самомнение и самолюбование россиян может логичным образом завершить эту, к сожалению, довольно хаотичную попытку описания и теоретического осмысления российской культурной специфики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб., 1870.

Бунин И. Л. Деревня // *И. Л. Бунин.* Собр. соч. В 5 т. Т. 2. М., 1956.

Ржевский Л. (псевдоним Л. Седова). "Коммунизм - это молодость мира" // Синтаксис. 1987. N 17.

Седов Л. Типология культур по критерию отношения к смерти // Синтаксис. 1989.

Соловьев В. Россия и вселенская церковь. М., 1911.

Billington J. H. The Icon and the Axe. London, 1966.

Rzhevsky L. A Typology of Cultures Based on Attitudes to Death // Survey. 1976. Vol. 22. N 2.